

РЕЦЕНЗИИ

**Jan Rowiński (red.), *Polski Październik 1956 w polityce światowej*,
Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, Warszawa 2006, 352 s.**

Октябрь 1956 г. – важная дата в истории Польши. В моей жизни тоже, потому что в октябре 1956 г. я стал совершеннолетним и поступил в варшавский вуз. Октябрь 1956 г. вместе с переменами, которые произошли в тогдашней Польше, символизировал окончание периода сталинизма в нашей стране и одновременно конец худшей формы зависимости от Советского Союза. Мы толпами ходили на митинги в Политехнику, где впервые в послевоенной Польше без вмешательства властей выдвигались публичные требования реформирования системы. Для меня, в то время молодого, но уже довольно хорошо понимающего извивы мировой политики человека, произошедшие изменения имели измерение историческое. Польша избежала венгерской трагедии и на новых условиях, в меру тогдашних возможностей, строила свои отношения с Советским Союзом. Это был, как пишет во введении к книге ее научный редактор Ян Ровиński, важный эпизод в нашей новейшей истории обретения суверенности, который значительно повлиял на дальнейший ход международных процессов во второй половине XX века. «Новизна ситуации, связанная с событиями 1956 г., – пишет он, – состояла также в том, что на волне десталинизации, пожалуй, впервые в «твердом ядре» советского лагеря (...) представителями правящих элит и их интеллектуальной базы более или менее открыто были подвергнуты сомнению некоторые идеологические принципы, считавшиеся доктринальным фундаментом системы (...). Поэтому из перспективы (...) агонии «реального социализма» в 1989 г. с некоторым упрощением можно сказать,

что его «счетчик» в Польше был включен основательно в 1956 г. и работал в стране еще 33 года вплоть до 1989 г.

В книге собраны материалы четырнадцати авторов, в том числе десяти зарубежных, которые участвовали в международной конференции, организованной в октябре 2006 г., в пятидесятую годовщину октябрьских событий, в Польском институте международных отношений. Это исключительные материалы. Впервые серьезные ученые, опираясь на рассекреченные архивные документы, осуществили попытку оценки источников и движущих сил октябрьских событий в Польше и их последствий для международных отношений по обе стороны железного занавеса.

Анджей Верблан пишет об общественных настроениях в Польше в памятный октябрь, об угрозе интервенции советских войск, базировавшихся в Польше, а также об известных ему скрытых обстоятельствах переговоров Никиты Хрущева и многочисленной советской делегации с польским партийно-государственным руководством во главе с Владиславом Гомулкой в Бельведере. Анджей Фришке объясняет, что крайне невыгодная геополитическая ситуация, в которой находилась Польша, не имевшая общей границы ни с одной западной страной, при наличии на ее территории советских военных баз, насчитывавших 100 тыс. человек, учитывая к тому же, что в ГДР, отделявшей Польшу от Запада, было еще 500 тыс. солдат, исключала для поляков возможность решительных действий, направленных на устранение зависимости от СССР. Точность этого тезиса подтверждает, по мнению автора, Збигнев Бжезинский, который в 1960 г. так охарактеризовал ограничения польской суверенности: «Ни один поляк не может всерьез принимать во внимание вероятность того, что польская автономия в ближайшем будущем станет настоящей независимостью. Варшавский договор, географическая обособленность, экономическая связанность с блоком, вопрос о границе по Одере и Нейсе – все это барьеры, которые невозможно преодолеть». Тем не менее, Анджей Фришке заключает, что вследствие октября в польской обыденной и общественной жизни получили право на существование некоторые отличия, которые привели к тому, что Польшу стали воспринимать как «самый веселый барак в лагере», поскольку они ослабляли контроль над гражданином в большей, чем в других странах, степени. Влодзимеж Борозей, в свою очередь, пытается ответить на вопрос о том, был ли строй, модифицированный в 1956 г. в

Польше, на самом деле чем-то новым. Отвечая на него, автор утверждает, что «в 1956 г. рухнула прежняя система контроля СССР над самым большим зависимым европейским государством», т. е. над Польшей, со всеми последствиями этого, также во внешней политике. Описывая новую географию внешней политики ПНР после 1956 г., он констатирует, что «у Москвы редко случались такие показательные поражения, как в тот год в Варшаве».

Необычайно интересны тексты зарубежных авторов, касающиеся отношения как других стран, так и НАТО к событиям в Польше. В основном они опираются на архивные документы и материалы, рассекреченные лишь в последнее время, например, о позиции КНР. Китайская Народная Республика, памятуя о своем опыте неравноправных отношений с СССР, существенно повлияла на события в Польше в октябре 1956 г., оказывая ограниченную поддержку польским стремлениям к большей самостоятельности, избавлению от непосредственного контроля со стороны СССР, учету в развитии национальной специфики и соблюдению элементарных принципов суверенного равенства сторон. Китайские авторы Шен Жихуа и Ли Данхуи, которые пишут на тему кризиса в Польше 1956 г. и польско-китайских отношений с точки зрения Пекина, утверждают, что Мао Цзэдун, который поддержал интервенцию Красной Армии в Венгрии, не согласился на военную интервенцию СССР в Польше, а Хрущев не мог не считаться с этой позицией. При этом они добавляют, что китайский руководитель не симпатизировал Владиславу Гомулке, нередко подвергал его нападкам, считая «внутрипартийным правым, ревизионистом и националистом», но Польшу рассматривал как важного и необходимого союзника Китая.

Интересны и достойны внимания также другие статьи, являющиеся свидетельством отношения правительственного или партийно-правительственного руководства упомянутых стран к польскому октябрю 1956 г.

Следовало бы также обратить внимание на несколько вопросов, о которых мы узнаем из текстов, представленных участниками конференции. Александр Орехов в своей статье, озаглавленной «Польша в 1956 г. глазами Кремля и Старой площади» (там была резиденция ЦК КПСС), пишет, например, что, когда Н. Хрущев 17 октября позвонил Э. Охабу, тогдашнему Первому секретарю ЦК ПОРП, и предложил, чтобы делегация ЦК КПСС приехала в Варшаву с целью прове-

дения переговоров, он встретился с решительным отказом польской стороны, которая посчитала вмешательство восточного соседа недопустимым. Хрущев и его коллеги, невзирая на это, решили, что «следует осуществить радикальные шаги, направленные на улучшение ситуации в непокорной Польше», – пишет А. Орехов. В результате не только делегация ЦК КПСС без польского приглашения прибыла в Варшаву, где пребывала 19 и 20 октября 1956 г., но, вероятно, в ночь с 18 на 19 октября 1956 г. советские танки из Северной группы Советских войск в Польше также направились в сторону Варшавы. Однако 19 октября на переговорах в Бельведере В. Гомулка, которого начинавшийся VIII Пленум ЦК ПОРП только что кооптировал в партийную власть, сумел убедить Хрущева, чтобы тот приказал советским войскам вернуться в места постоянной дислокации. Н. Хрущев позже признавался, хоть и не публично, как пишет А. Орехов, что было принято ошибочное решение о силовом нажиме на Польшу. Это означало, что вооруженной интервенции в Польше удалось избежать, что не удалось в случае Венгрии. На заседании президиума ЦК ПОРП 21 октября 1956 г., как следует из рабочего протокола, было решено: «Учитывая положение, следует отказаться от вооруженной интервенции и проявить терпение». После окончания VIII Пленума ЦК ПОРП, который избрал В. Гомулку Первым секретарем партии, Н. Хрущев заявил в телефонном разговоре с ним, что не видит никаких препятствий для того, чтобы партийные и государственные отношения между СССР и Польшей опирались на принципы, обозначенные Пленумом». Это имело определенные последствия. Москва скорректировала политику в отношении Польши, хотя впоследствии наблюдала за ситуацией в Польше и в ПОРП с особенным вниманием. Впервые после окончания второй мировой войны были созданы правовые основания для присутствия советских войск в Польше, которые были обязаны уважать польское законодательство и не вмешиваться во внутренние дела. Из Польши были отозваны советские советники, работавшие в войсках и органах безопасности. Была решена проблема компенсации за продажу в СССР польского угля по сниженным ценам.

Игорь Лукес и Карел Зибер избрали интересный способ представления реакции, а точнее отсутствия реакции партийно-государственной власти Чехословакии на события в Польше, поскольку авторы делают это в значительной мере на

основании оценок, передаваемых в свои центры посольством Соединенных Штатов в Праге и посольством Чехословакии в Варшаве. Американский посол оценивал, через призму событий в Польше, что коммунистический режим в Праге был «стабильным, покорным и лишенным амбиций» и не было признаков того, что он пытался обрести «свободу или независимость от контроля Советского Союза». События в Польше и в Венгрии осенью 1956 г. привели к тому, что режим в Праге занял еще более консервативную позицию. Мир смотрел на Прагу, рассчитывая на ее акт солидарности с Венгрией и Польшей, который, однако, никогда не был совершен, – писал спустя годы чешский журналист Ян Колар. Посол Чехословакии в Варшаве, оценивая визит В. Гомулки в Москву в ноябре 1956 г., утверждал, что он был воспринят обществом скорее положительно, ибо рассматривался как польская победа над русскими. По мнению авторов статьи, правительство в Праге было убеждено, что любовь к Советскому Союзу, главный принцип коммунистической ортодоксии, оставалась мертвой буквой для значительного числа поляков и что Польша останется в блоке социалистических государств, но ее стремление к освобождению не вполне ограничено. Главной заботой партийно-государственной власти была забота о том, сможет ли в этих условиях Польша выполнить свои экономические обязательства в отношении Чехословакии, в особенности по поставкам угля.

Иван Баев, представляя позицию болгарского руководства в отношении польского октября 1956 г., обращает внимание на несколько элементов: отсутствие точной информации со стороны посольства Болгарии в Варшаве о том, что делается в Польше, на использование в информации для членов партии критических советских оценок на тему ситуации в Польше и выводы для Болгарии о том, что, учитывая «бушующее контрреволюционное восстание» в Польше и Венгрии, «следует использовать все необходимые средства по партийной, государственной, военной линии и по линии министерства внутренних дел, чтобы не допустить никаких неожиданностей у нас в стране». Польский октябрь повлиял не только на внутреннюю политику Болгарии, но также на ухудшение двусторонних отношений с Польшей. В последующие годы, в особенности во время визита в Софию польской партийно-правительственной делегации в мае 1958 г., оказалось, что руководители ПОРП не разделяют позиции руководителей

БКП по вопросу о ведущей роли Советского Союза в социалистическом лагере и их оценки американского империализма как руководящего центра империализма. Лишь в начале шестидесятых годов утихла полемика между БКП и ПОРП, в которой болгарская сторона писала о «польском ревизионизме», а польская – о «болгарском догматизме».

Бернд Шеффер, в свою очередь, представляет позицию ГДР и ФРГ в отношении польского октября 1956 г. Партийно-правительственное руководство ГДР считало визит Н. Хрущева в Варшаву бесплодным, а избрание В. Гомулки вредным. Генеральный секретарь СЕПГ Вальтер Ульбрихт придерживался мнения, что польские службы безопасности должны были предотвратить избрание Гомулки Первым секретарем ЦК ПОРП или по крайней мере всеми средствами не допустить трансляции его речи по радио на всю страну. Большинство же граждан ГДР пассивно восприняло события в Польше. Лишь интеллектуалы в рядах СЕПГ и студенты берлинского Университета Гумбольдта, а также других вузов ГДР рассматривали события в Польше как вдохновляющий пример. Но эти зародыши десталинизации в СЕПГ были грубо ликвидированы. Интересно, что посол ГДР в Варшаве Стефан Хейманн чуть ли не полностью разделял в своих отчетах эйфорию польских коммунистических реформаторов в оценке событий в Польше в октябре 1956 г., за что в феврале 1957 г. был отозван из Варшавы.

Правительство ФРГ с интересом наблюдало за событиями в Польше. Министр иностранных дел Генрих фон Брентано рассматривал даже возможность установления с Польшей дипломатических отношений, несмотря на доктрину Галлштейна, в чем Польша была заинтересована, но в Бонне перевесили опасения того, что это будет раздражать Москву и даст Советскому Союзу повод для интервенции в Польше. Поскольку канцлер Конрад Аденауэр только в Москве видел ключ к объединению Германии, он не хотел ради Польши подвергаться опасности потери, как пишет автор, этой возможности. Конрад Аденауэр и его правительство с симпатией относились к перспективе свободной Польши, но ожидали, что она освободится сама, не мешая перспективе объединения Германии, т. е. не провоцируя Москву.

Если говорить о Великобритании, то, по мнению Энн Дейтон, автора следующей статьи, правительство этой страны не поспешило на помощь полякам и не желало играть никакой

роли в польской политической драме, продолжавшейся с июня до ноября 1956 г., прежде всего учитывая свои отношения с Советским Союзом, а также учитывая факт, что польский и венгерский кризисы развивались в одно время с нападением на Суэц, в котором Великобритания непосредственно участвовала. Однако за событиями в Польше пристально наблюдала. Британский МИД в конце октября 1956 г. считал В. Гомулку самым могущественным человеком в Польше и единственным польским руководителем, который «может иметь право на получение фактической всеобщей поддержки».

Об отношении Франции к польскому октябрю 1956 г. пишет польский историк Мария Паштор. Октябрь привел к тому, что возросла заинтересованность Франции в развитии экономических и торговых контактов с Польшей. Париж неизменно декларировал также заинтересованность в развитии культурных и научных связей. Но на визит премьера Ю. Циранкевича в Париж, о котором заявила польская сторона в январе 1957 г., французы не соглашались, опасаясь неудобной для них в то время дискуссии на тему границы по Одру и Нейсе. Из информации автора не следует, что октябрьские перемены в Польше произвели на правящие элиты Франции особенное впечатление. А вот события осени 1957 г., в особенности закрытие еженедельника «По просту» и вследствие этого выход из партии нескольких польских писателей, негативно сказались на прежнем дружественном отношении французских интеллектуальных кругов к новому политическому руководству в Польше.

Дуглас Э. Селвейдж оценивает отношение администрации президента США Д. Эйзенхауэра к польскому октябрю 1956 г., определяя его в заголовке статьи как «воскрешение политики поддержки». Анализ соответствующих документов, принятых американской администрацией в связи с октябрьскими переменами в Польше, однако, указывает на то, что ни президент, ни его главный советник по вопросам внешней политики Дж. Ф. Даллес не рассматривали всерьез военную помощь Польше или проведение в отношении нашей страны политики освобождения. Из документов следует, что Соединенные Штаты концентрировались на поддержке либералистских тенденций в Польше и на предотвращении возможной военной интервенции СССР. Было желание создать полякам возможность обретения независимости от Москвы посредством укрепления контактов и увеличения экономического,

научного и культурного обмена, а также поддержки процесса реформ. В принятой правительственной директиве рекомендовалось, чтобы США дипломатическими и экономическими средствами поощряли поляков к постепенному получению независимости от контроля СССР «без внутренней смуты, избегая развития какой бы то ни было ситуации, которую русские (...) должны были бы подавить с применением силы». В то же время предусматривалось, что, если бы военная интервенция СССР в Польше стала бы неизбежной или уже бы произошла, а польское правительство попросило бы помощи, США должны были бы предпринять действия, которые сдержат русских и напугают их неизбежным участием американских вооруженных сил в защите Польши. При этом было ясно, что американская реакция не выйдет за пределы невоенных действий, т. е. дипломатических мероприятий.

Совершенно отличается от остальных текст венгерского автора Яноша Тишлера, озаглавленный «Польский октябрь и Венгрия». Он не касается того, как венгерские партийные и правительственные элиты относились к польским переменам октября 1956 г., а представляет оценку «событий» в Венгрии в октябре и в начале ноября 1956 г., которые начались с манифестации солидарности с переменами в Варшаве, совершенными обновленной после октября ПОРП и лично Владиславом Гомулкой. А это была оценка, отличная от оценок, даваемых другими партиями стран тогдашнего социалистического лагеря, начиная с КПСС. Следует напомнить, что 28 октября 1956 г. ПОРП в воззвании к венгерскому народу однозначно осудила первую советскую военную интервенцию в Будапеште и уверила в своей поддержке революционное правительство Имре Надя. Владислав Гомулка, правда, считал недопустимым выход Венгрии из непосредственной зоны влияния СССР, но ему трудно было также одобрить вторую интервенцию Красной Армии, которая привела к власти Кадара. Он долго не желал назвать венгерские «события» контрреволюцией, видя в них трагические последствия преступной и полной перегибов прежней политики Венгерской Партии Трудящихся.

Венгерский автор пишет, что ПОРП и ее руководство пользовались в венгерском обществе большой популярностью. Поэтому Янош Кадар добивался как можно более скорого визита польской партийно-правительственной делегации на высшем уровне в Венгрию, что означало бы существенную

помощь в стабилизации положения в стране, а одновременно представляло бы собой официальное признание нового венгерского руководства и способствовало росту его авторитета. Кадар признавал, чего не скрывал на заседании ЦК ВСРП, что «полякам не нравится у нас многое, например, арест писателей (...), но они должны понять, что после контрреволюции мы находимся в вынужденном положении». Венгерское партийное руководство было возмущено тоном польской печати в публикациях на венгерскую тему. В Венгрии, в свою очередь, раздавались критические голоса по поводу положения в Польше, а в аппарате ВСРП считалось, что «Польша в некотором смысле отошла от принципов социалистического строительства». Лишь результаты X Пленума ЦК ПОРП в начале октября 1957 г. и закрытие еженедельника «По просту» привели к тому, что критика в адрес Польши утихла, поскольку это было признано возвращением на «правильный путь».

В мае 1958 г. наконец состоялся визит польской партийно-правительственной делегации на высшем уровне в Венгрию, к тому же в ряду таких же визитов в Болгарию и Румынию. Венгерские хозяева особенно оценили тот факт, что во время визита с польской стороны не было упорного отстаивания прежней позиции о том, что венгерские события 1956 г. в конце превратились в контрреволюцию. Об изменении польской позиции свидетельствовало также отношение к этому вопросу Имре Надя. Его казнь 16 июня 1958 г. было для польского партийного руководства неожиданностью. Неофициально выражалось неодобрение этого факта, но официально 28 июня 1958 г. Владислав Гомулка полностью поддержал венгерскую позицию по вопросу этого приговора. Янош Тишлер заканчивает свою статью утверждением, что данным актом Гомулка выразил негативное отношение к польскому октябрю 1956 г., «героем» которого был сам.

Анализируя опубликованные в сборнике материалы конференции, нельзя обойти позицию Североатлантического союза по отношению к польскому октябрю 1956 г., которую представляет Роберт Купецки. Короче всего эту позицию можно определить цитатой из текста: «Варшава не принадлежала к кругу приоритетных интересов НАТО в целом, представляя собой лишь периферию его аналитических работ, связанных с политикой СССР. Если это положение изменилось, то исключительно с целью изучения того, до какой степени события, происходящие в Польше, могли влиять на военный потенциал

Советского Союза, его политическую способность к действию и единство коммунистического блока, воспринимаемые в целом как источник угрозы Альянсу». Поэтому, оценивая доступную документацию НАТО, автор мог написать, что польский октябрь информационные службы Альянса почти прозевали, концентрируясь в то время на Суэцком кризисе и вооруженном восстании в Будапеште.

Учитывая то, что Польша не играла самостоятельной роли в стратегии НАТО, не было текущих оценок событий в нашей стране в октябре 1956 г. Не было интереса до такой степени, что на парижском саммите Североатлантического совета в декабре 1956 г. о польском вопросе вообще не говорилось. В доступных документах НАТО содержится анализ и оценки, из которых следует, что события в Польше и Венгрии осени 1956 г. оценивались в Альянсе как невольный результат коммунистической политики либерализации политической жизни, что Гомулка пришел к власти вопреки желанию и даже маневрам Москвы и что нет ни малейших сомнений в том, что советские руководители не допустят полной независимости Польши от СССР. Признавалось, что в интересах Запада было оставить Гомулку у власти, но большие надежды на политические изменения с ним не связывались. Поэтому страны НАТО воздерживались от помощи Польше, ибо чрезмерная помощь окажется помощью, оказываемой «сине-советскому блоку».

Хотя эксперты НАТО замечали постепенный отход Польши от октябрьских перемен в течение 1957 года, они видели также серьезные изменения в Польше после октября 1956 г., «нежелательные для Москвы». Речь шла об относительно большей свободе слова на фоне других государств коммунистического блока, деколлективизации сельского хозяйства и сохранении индивидуальной собственности на землю, допустимости частной собственности в торговле и услугах, беспрецедентной религиозной свободе, возможности сохранения поляками контактов с Западом и установлении Польшей экономического сотрудничества с отдельными странами за пределами коммунистического блока. Хотя оценка польского октября доказывала, что НАТО воспринимало Польшу иначе, чем другие государства-сателлиты СССР, интерес к польскими делам в то время со стороны Альянса имел эпизодический характер.

Ценность этой публикации состоит прежде всего в том, что она помогает правильно понять, как внешний мир, в том числе

страны-сателлиты СССР и страны Запада, оценивали польский октябрь 1956 г. Книга позволяет также лучше понять, были ли (и если были, то какие) в тогдашнем международном окружении шансы на сохранение и углубление польских перемен, начавшихся в октябре 1956 г. С этим, конечно, связан вопрос о том, использовало ли тогдашнее партийно-государственное руководство Польши во главе с Владиславом Гомулкой все шансы на независимость от СССР, которые создавала десталинизация в коммунистическом блоке. Венгерская трагедия доказала, что эти шансы не были неограниченными, а поляки использовали их в меру тогдашних политических возможностей.

Станислав Пажимес

J. Gerhards, *Cultural Overstretch? Differences between old and new member states of the EU and Turkey*, Routledge, London, New York 2007, 188 p.

В дебатах на тему будущего Европейского союза все чаще задаются вопросы по поводу возможности его дальнейшего расширения, а также о том, не угрожает ли продолжение этого процесса проекту европейской интеграции. После расширения Евросоюза 1 мая 2004 г. все чаще подчеркивают необходимость принять во внимание способность ЕС принимать в свои ряды новых членов – одного из Копенгагенских критериев. Сущностью «способности к поглощению», или, точнее, «способности к интеграции» Евросоюза (слово «поглощение» было отвергнуто, поскольку расширение не означает, что Евросоюз поглощает данное государство) является убеждение в том, что прием новых членов не может негативно влиять на функционирование институтов Евросоюза, а также на его бюджет и политику.

Множество участников европейских дебатов, кроме того, указывают на культурный аспект. По их мнению, угрозой для успеха европейской интеграции может быть прием стран, которые не принадлежат к Европе с точки зрения культуры, обычаев, системы ценностей или исторического опыта. Этот вопрос появился уже при приеме в Евросоюз государств Центральной и Восточной Европы, но особенно остро он встал

в случае с Турцией – кандидатом для приема в Евросоюз. По мнению противников вступления этой мусульманской страны в ЕС, ее культурные особенности сделали бы невозможной после вступления Турции в ЕС построение европейской идентичности – очень важного элемента для успеха процесса европейской интеграции. В таком случае произошло бы «размывание» этой идентичности, а Европа стала бы образованием без четкого профиля и отличительных черт. Формирование европейской идентичности одновременно требует культурного единства. Кроме того, часто указывают, что разнородность в этой области может привести к дезинтеграции и политической дестабилизации ЕС из-за культивирования культурного своеобразия со стороны населения отдельных государств.

Европейский союз состоит из государств, которые отличаются друг от друга с точки зрения населяющих их этносов, культур, обычаев. Этот факт стал еще более очевидным после расширения ЕС в 2004 и 2007 годах. Возникает только вопрос: неужели эти различия так серьезны, чтобы признать правоту сторонников вышеприведенных тезисов. Культурным различиям между членами ЕС посвящена книга под названием *Культурные перенапряжения. Различия между старыми и новыми странами-членами ЕС и Турцией (Cultural Overstretch? Differences between old and new member states of the EU and Turkey)*, написанная Юргеном Герхардсом, социологом из Свободного университета в Берлине. Немецкий ученый пытается ответить в ней на вопрос, подходят ли «новые» члены Евросоюза и Турция для ЕС с точки зрения культуры. По мнению Герхардса, это очень важная проблема, поскольку об успехе расширения ЕС свидетельствует не только экономическая конвергенция, но и культурный фактор. Однако нельзя и полностью отвергнуть эту мысль автора: поскольку Европейский союз не должен быть только экономической общностью, то нужно оговорить, что всё зависит от того, какую идейно-культурную модель Европы, хотят воплощать в жизнь европейские политики. Успех процесса европейской интеграции в культурной сфере для одних (социал-демократов) может означать реализацию модели многокультурной Европы, а для других (христианских демократов) – монолитной общности с ключевой ролью христианства.

Публикация Герхардса отличается солидными, хотя и не лишенными недостатков теоретико-методологическими основами, которые он формулирует во вводной главе. Автор

предметно определяет ключевые понятия, используемые в публикации. Он принимает такие их определения, которые лучше всего соответствуют целям его работы. Например, термином «культура» он называет «относительно стабильные и абстрактные концепции желательного общества, которые относятся к разным общественным областям, а также разделяются гражданами данного общества и формулируются различными общественными институтами и коллективными акторами». Такой широкий подход дает возможность комплексного, многофакторного анализа исследуемой проблемы.

Автор разрабатывает теоретическую модель идеального общества Евросоюза (культурную модель ЕС). Свой подход он называет «эмпирическим субстанционализмом», основывающимся на убеждении в том, что существуют определенные ценности, создающие европейскую идентичность и признаваемые самим ЕС. Герхардс реконструирует эту модель на основе евросоюзного права – первичного и вторичного. Он учитывает в нем пять сфер: 1) религию, 2) семейную жизнь и роль в ней женщин, 3) экономику, 4) государство благосостояния, а также 5) политику – демократию и гражданское общество. Эти теоретические рамки обуславливают порядок и прозрачность структуры публикации. В исследовательских главах одна за другой рассматриваются пять названных сфер. По мнению автора, из евросоюзного права вытекает, что ЕС, во-первых, характеризуется светским устройством и ожидает от стран, входящих в него, отделения религии от политики и общества, а также сохраняет свободу совести и проповедует такие ценности, как толерантность. Во-вторых, семейная политика на территории ЕС концентрируется на закреплении равенства (точнее, равноправия) женщин и мужчин в получении работы и в поддержке «равноправных отношений между женщиной и мужчиной» в семейной жизни. В-третьих, основной целью Евросоюза является укрепление благосостояния всех граждан входящих в него государств, что возможно путем построения экономической системы, основанной на конкуренции, открытости рынка и пассивной роли государства, а также ориентации людей на успех. В-четвертых, ЕС выступает за минималистический вариант государства благосостояния, которое защищает граждан от безработицы из-за болезни, инвалидности или возраста. В-пятых, ЕС позиционирует себя как общность демократических государств, имея в виду прежде

всего представительную демократию, но также и непосредственную демократию – путем развития гражданского общества.

Построение и форма культурной модели ЕС относительно правильны, но требуют определенных оговорок. Прежде всего следует поразмышлять над выбором в качестве основы модели евросоюзного права. Автор высказывает справедливый аргумент о том, что право является связующим элементом, в отличие, например, от высказываний политиков, оно, кроме того, обладает демократической легитимностью (вопрос, правда, является ли она достаточной). Кажется, однако, что правовой аспект не позволяет создать полноценного образца культурной модели ЕС, поскольку право не регулирует полностью многих вопросов, важных с точки зрения культуры. Это замечание касается, например, семейной жизни, рассматривая которую, автор сам указывает на небольшой диапазон правового регулирования этой сферы на территории ЕС, что влияет на форму этого компонента. Кроме того, подобный подход заранее определяет, какая группа государств будет ближе к образцу, коль скоро государства «старой Европы» имели решающее влияние на прежние правовые достижения ЕС, которые отражают их точку зрения. Немецкому ученому здесь, однако, удалось найти точные формулировки, отражающие базовые ценности, содержащиеся в Конституционном акте ЕС.

Более того, выстраиваемая модель должна указывать на элементы, составляющие европейскую идентичность. Однако в действительности она отражает универсальные, а не только европейские ценности, что, впрочем, Герхадс и сам признает. Это усложняет разговор, по крайней мере, об основах европейской идентичности.

Уже на этапе модели становится очевидным один из главных недостатков работы – ее поверхностность. Здесь она связана с упрощениями, касающимися отдельных компонентов культурного образца. Например, не существует единой модели светского государства, и трудно требовать, скажем, от Франции и Германии одинакового отделения религии от политики и общества: если в первом из государств существует так называемая враждебная сепарация, а в другом – смешанная модель, в котором связи между религией и государством и обществом гораздо сильнее, чем во французской системе.

Автор сравнивает пять компонентов модели идеального общества ЕС с ценностями, признаваемыми гражданами

отдельных государств Евросоюза («старых» и «новых»), а также Турции. Описание и анализ этих ценностей (сделанные в каждой главе после представления данного компонента культурного образца ЕС) основываются на репрезентативных комплексных исследованиях общественного мнения, прежде всего, на *Исследованиях европейских ценностей 1999-2000 гг.* (*European Values Study 1999-2000*), а также на данных, касающихся отдельных проблем, например, *Human Development Index*, *Gender Empowerment Measure* или *Index Economic Freedom of the World*. Из них следует, что существуют серьезные культурные различия между исследуемыми государствами, это означает, что они в разной степени сближаются с культурной модели ЕС. Ближе всего к нему находятся старые государства ЕС (лидерами являются Нидерланды и скандинавские государства), менее всего ему соответствуют государства Южной Европы. Несколько дальше от него новые члены ЕС. Только Чешская Республика и Словения характеризуются системой ценностей, сходной с 15 странами «старой Европы» (Польша находится в группе государств, наиболее удаленных от образца). Очень далеки от культурной модели ЕС Румыния и Турция. Однако сам автор указывает на то, что существуют отступления от этой дифференциации в области экономики. Новые государства ЕС и Турция в большей степени, чем страны «старой Европы» ориентированы на достижения и конкуренцию – элементы, входящие в состав культурной модели ЕС. Кроме того, они не сильно отличаются от стран «старой Европы» в подходе к государству благосостояния. Это не позволяет делать однозначных выводов, касающихся культурных различий между отдельными странами.

По поводу описания и анализа системы ценностей в обществах государств ЕС, а также Турции возникают и другие возражения. Работа Герхардса основывается исключительно на вторичных данных. Для данной публикации автор не проводил собственных исследований, несмотря на имеющуюся у него квалификацию. Источники, которыми он пользуется, достоверны, но порой не охватывают всех государств, проанализированных в книге. К основным недостаткам, как нам кажется, следует отнести два других вопроса. Во-первых, использованные данные устарели. Приняв за основу данные, главным образом, 90-ых годов XX века, автор неизбежно пренебрегает теми динамичными переменами, в том числе и в области ценностей, в странах «новой Европы», а также в Турции.

Например, в этой стране с 2001 г. проведено множество реформ, которые повлияли на поведение и сознание турецких граждан, а также восприятие ими многих политических и общественно-экономических вопросов. Это весьма показательно демонстрируют недавние исследования общественного мнения Турции (от центров *Pollmark* и *A&G*).

Во-вторых, автор порой выбирает из социологических исследований вопросы, которые не дают достаточных оснований для выводов об отдельных элементах системы ценностей в данном государстве. Нельзя согласиться с немецким ученым в том, что готовность граждан помогать престарелым, безработным или больным равнозначна поддержанию соответствующей роли государства в этой области. Некоторые из выбранных вопросов слишком общие, чтобы на них отвечали однозначно. Такие вопросы есть, например, в главах о религии и политике. Выдающийся турецкий эксперт в области общественного мнения Али Чаркоглу доказал, что нельзя делать однозначных выводов по вопросу о поддержке гражданами введения религиозного права в свод законов государства, если задать им слишком общий вопрос. В случае с Турцией только вопросы, касающихся отдельных элементов этого права (шариата) показывают, что турки не выступают за религиозное государство. Герхардс выбрал общий вопрос из этой области и сделал ошибочный вывод об относительно небольшой поддержке турецкими гражданами разделения религии и политики.

Ценность книги заключается в том, что автор не ограничивается представлением системы ценностей, принятых в государствах-членах ЕС и в Турции, а также описанием наиболее показательных культурных отличий, в том числе и среди стран «старой Европы». Он пытается объяснить их причины, объясняя эти различия тремя факторами: степенью модернизации, религиозными традициями, а также политическими структурами данной страны. По мнению Герхардса, наибольшее влияние на сближение с культурной моделью ЕС имеет первый из этих факторов, а точнее – экономическая модернизация, а также качество образования в данном государстве. Свое значение имеет и религия, причем сближению с культурной моделью Европы способствует протестантизм (на другом полюсе находятся православие, а также ислам).

Однако здесь снова и наиболее четко обнаруживается уже упоминавшаяся поверхностность работы. Прежде всего ей недостает углубленного анализа отдельных государств. Сам

автор указывает на слабость публикации, вытекающей из пренебрежения исторических факторов, обусловивших развитие данного государства. Речь идет не только об истории. Чтобы конкретизировать этот вопрос, стоит остановиться на примере Турции, который лучше всего показывает недостатки публикации. Герхардс рассматривает, например, такие факторы, как религия или секуляризм, не принимая во внимание, что в некоторых государствах ситуация может быть более сложной, чем это кажется при поверхностном анализе. Так, в Турции секуляризм, а также ислам имеют сложную форму, характерную только для этой страны. Первый из этих феноменов выглядит иначе с формальной и практической точки зрения, а также выступает в разных формах. В Турции нет единой мусульманской религии, так как, наряду с исламом, существует его народный вариант, связанный с суфизмом и религиозными братствами, так называемыми тарикатами, который более соответствует основам демократии. Кроме того, автор не обращается к имеющимся источникам для выяснения данного вопроса. Кстати, ислам рассматривается в книге на основе работ теоретиков, которых нельзя отнести к экспертам в данной области (например, Самуэль Хантингтон или Сеймур Мартин Липсет).

Положительно следует оценить наличие в конце книги прогноза, касающегося влияния культурных различий в отдельных странах ЕС и Турции на будущее культурной модели ЕС. Благодаря ему процесс исследования доведен до логического конца, а в результате анализа предстает целостный образ проблемы. Однако трудно согласиться с выводом Герхардса, что после дальнейшего расширения ЕС поддержка граждан большинства элементов евросоюзной культурной модели будет ослабевать. Приспособления, связанные с членством в Евросоюзе, меняют взгляд обществ на многие вопросы (здесь вновь обнаруживается, что анализ основывается на устаревших данных). Немецкий ученый сам признает, что в случае модернизации, например, Турция может измениться, хотя пример Германии после II мировой войны, приводимый автором, не самый лучший.

Подводя итоги, следует признать, что Юрген Герхардс выбрал нелегкую и весьма сложную тему и в основном достиг поставленных целей исследования. Ценной с точки зрения научных изысканий является и главная проблема работы. Автор сделал также очень важные выводы. Наиболее важным

из них следует признать утверждение об неправомерности тезиса Хантингтона по поводу культурном разделении на католицизм и протестантизм, с одной стороны, и православие и ислам, - с другой. По мнению Герхардса, это не религия влияет на отдаление системы ценностей в Турции или православных странах от культурной модели ЕС. Основное значение имеет здесь уровень модернизации и интеграции граждан с религиозными институтами. Работа Герхардса имеет также определенные методологические недостатки. Ей зачастую вредит поверхностность, что уменьшает ценность публикации.

Адам Шиманьски